

Г. А. Гребенщикова

Наваринский цугцванг

В шахматной партии существует классическое положение — цугцванг, от немецкого zugzwang. В дословном переводе это означает «принуждение к ходу», когда, какой бы ход игрок ни сделал, он неизбежно приведет к ухудшению его позиции. Другими словами, это ситуация, когда «делать нельзя, и не делать нельзя». В военно-морской истории такая ситуация складывалась нечасто, поэтому проанализировать его представляется важным и интересным. Именно цугцвангом для российских, французских и английских командующих можно назвать обстановку, сложившуюся у порта и крепости Наварин в октябре 1827 г. Тогда турецко-египетское командование вынудило союзных адмиралов — вопреки имевшимся у них инструкциям — прибегнуть к атаке, уничтожившей турецко-египетский флот.

Как же развивались события, приведшие к тому историческому военно-морскому цугцвангу в Эгейском море? В последнее десятилетие царствования императора Александра I (1801–1825) в Европе и на Балканах сложилась обстановка, следствием которой стали важные военно-политические изменения в ведущих европейских державах и в Османской империи. На Венском конгрессе Россия, Англия, Австрия и Пруссия выработали систему будущего политического и территориального устройства Европы после завершения войн с Францией. С того времени в дипломатический обиход вошло выражение «европейский концерт» держав. В понимании Александра I основными идеологическими опорами нового международно-правового порядка становились христианские ценности, идеи законности во внутренней и внешней политике держав, принципы равноправия и партнерства. Конечной целью провозглашалось утверждение всеобщего мира и благоденствия после тяжелых

и разорительных войн со «злым гением» Наполеоном Бонапартом. По настоянию Александра I основным средством к достижению нового порядка стал тесный союз государей, основанный на узах братства и взаимной помощи. В целом русский император рассматривал Священный Союз как некий категорический императив, призванный охранять в Европе мир, христианские ценности, государственные устои, законность и порядок. А добиваться этого следовало не войнами и революциями, а договоренностями монархов.

Ознакомившись с подобным текстом, политики констатировали, что «в летописях дипломатии не встречалось подобного документа» по причине его подозрительности и даже опасности. Например, австрийский канцлер К.-В. Меттерних прямо назвал этот документ «не более чем нравственной манифестацией, актом звонким и пустым». «Этот мнимый Священный Союз, — говорил Меттерних, — есть то, что называют политическим нулем»¹. В понимании канцлера христианские ценности в большой политике выглядели подобно мыльному пузырю, который не может обеспечить государству безопасность и оборону. Тесный союз государей без применения военной силы также не в состоянии навести порядок внутри государства и за его пределами.

В начале 1820-х гг. в Греции возникло национально-освободительное движение против османского господства и разворачивалась борьба за создание независимого греческого государства. Но позиция Александра I зиждилась на подписанных в Вене договоренностях, им же самим предложенных и ревностно отстаиваемых: принципы Священного Союза провозглашали отказ от применения оружия. Таким образом, русский император попал в собственную ловушку, о которой предупреждал Меттерних, — гуманные принципы не могли обеспечить Европе безопасность от бунтовщиков и революционеров — с ними надо бороться только силой оружия, а не апелляцией к христианским ценностям.

В последние годы правления Александра I российская дипломатия в Константинополе² четко следовала инструкциям из Петербурга и проводила большую работу с Высокой Портой (Турцией) по греческим делам. Представитель Александра I в турецкой столице А. Г. Строганов договаривался о принятии по Греции компромиссного решения, например расширения прав греческому народу и прекращения религиозных притеснений греков. И в этом направлении А. Г. Строганов добился значительных успехов, убедив турецкое правительство (Диван) подписать отдельные параграфы будущего соглашения.

Россия на переговорах с Турцией не выдвигала вопроса об образовании независимого греческого государства, считая это политически нецелесообразным. Объяснение такой линии российского руководства состояло в том, что подписанным в 1812 г. в Бухаресте мирным договором Россия завершила войну с Турцией. Император Александр был против новых военных действий с Турцией, неизбежность которых предопределялась тем, что султан добровольно не согласится на отделение Греции от Османской империи. Война в понима-

нии Александра I являлась крайним средством борьбы против тирании — после того, как на дипломатическом уровне будут исчерпаны все способы убеждения. Тем более что по Бухарестскому договору Россия получила плодородные земли в Бессарабии и бывшие турецкие крепости на Дунае и на Днестре — Измаил, Хотин и Бендеры³. В стратегической перспективе это облегчало русской армии развертывание наступления к турецким границам (в Европейской Турции), а отошедший к Российской империи левый берег Дуная позволял развернуть на Дунае флотилию как вспомогательную Черноморскому флоту.

После 1821 г. восстание греков стремительно набрало обороты и распространилось по южной части Балкан, перекинулось в восточную и западную Грецию, на Пелопоннес и охватило острова Архипелага. Султан Махмуд II жестоко расправлялся с восставшими, попустительствовал погромам и убийствам греков, сербов, армян и албанцев-христиан в Константинополе. И только после того, как турки не пощадили греческого патриарха Григория и казнили его, Александр I отозвал своего представителя из Константинополя, но далее этого не пошел и в целом греческое восстание не поддержал. Отказом русского императора принять сторону православных греков и оказать им помощь флотом, оружием и войсками, как это сделала Екатерина II в 1769 г., незамедлительно воспользовались в Лондоне. С 1822 г. внешнеполитическое ведомство Великобритании возглавлял Джордж Каннинг. Он официально провозгласил: Россия покидает аванпост на большой арене, и это место занимает Англия. С того времени английские политики, промышленники, финансисты, парламентарии и общественные деятели активно способствовали образованию в Афинах проанглийской партии. Каннинг, умело играя на чувствах греков, одновременно придерживался и золотого правила английских политиков: совсем ослаблять Османскую империю нельзя, чтобы «не допустить Русский Кабинет взять в свои руки судьбу Востока»⁴.

Греция продолжала прокладывать себе путь к свободе. В Эгейском море против сильного османского флота действовала греческая флотилия под начальством капитана Константина Канариса. По данным британского исследователя Р. Андерсона, флотилия, сформированная из малых торговых судов, имела на вооружении малокалиберную артиллерию, но при грамотном применении брандеров греки наносили значительный урон многочисленному турецкому флоту. Однако из-за неравенства сил греческая флотилия потерпела сокрушительное поражение и была разгромлена⁵.

Очередной виток греко-турецкого конфликта пришелся на февраль 1825 г., когда две египетские дивизии, обученные французскими инструкторами, оснащенные, экипированные и вооруженные по последнему слову техники, высадились на греческом острове Сфактерия. Совместно с турецкими войсками под общим командованием египетского военачальника Ибрагима — сына правителя Египта Мухаммеда (Мехмета) Али, они штурмом взяли крепость и порт Наварин, после чего огнем и мечом прошли по Морее, сметая и уничтожая все

на своем пути. Греческая делегация из Афин обратилась за помощью к английскому королю Георгу IV, что побудило британскую правящую элиту задуматься о возможном варианте такого же обращения греков и к российскому монарху. Подобный вариант в британском МИДе (Foreign Office) рассматривали уже как совершенно нежелательный, «дабы не дать Петербургу усилиться на счет греков», и продумывали различные способы вмешательства в греко-турецкий конфликт. Предпринятые англичанами удачные действия финансового и политического характера привели к усилению влияния Великобритании на двух важнейших геополитических флангах — на Балканах и на Востоке.

Уходивший 1825 г. принес важные новости: скончался Александр I, и с его уходом прервались встречи и переговоры с турецким султаном по греческим делам. При вступлении на престол императора Николая I в дипломатическом корпусе и в европейских столицах мнения разделились: одни говорили о повороте в балканских делах в сторону политики Екатерины II, другие — о сохранении позиции Александра I по невмешательству в борьбу греков с турками. Николай I не собирался воевать ни с Востоком, ни с Западом и в приватной беседе с французским дипломатом графом де Сен-При сказал: «Я хорошо знаю, что за границей предполагают во мне воинственные наклонности и желание ознаменовать начало моего царствования каким-либо военным подвигом. Но обо мне судят неправильно. Я люблю мир, сознаю его цену и необходимость»⁶. В циркулярном обращении к европейским державам Николай I подтвердил, что во внешней политике он будет придерживаться принципов его почившего брата. Николай I намеревался начать царствование с преобразований в армии и на флоте, с укрепления финансов и упорядочения государственных расходов. Перспективу морской и государственной политики он видел в том, чтобы добиться «постановления морских сил России на основаниях, сходственных с нынешним состоянием первенствующих в Европе флотов», отводил России роль третьей по силе морской державы после Англии и Франции и стремился соблюдать с Турцией все договоры⁷.

Весной 1826 г. в Петербурге находился представитель английского короля Георга IV герцог Веллингтон. С первых дней пребывания в столице Российской империи Веллингтон был *persona grata*, его охотно принимали в Зимнем дворце и в лучших аристократических салонах. Миссия Веллингтона состояла в том, чтобы склонить Николая I подписать совместное англо-русское соглашение по греческому вопросу. Во-первых, масштабы борьбы греков за освобождение вызывали в Лондоне серьезные опасения из-за вероятных перспектив уничтожения британского протектората над Ионическими островами. Во-вторых, англичане исходили из возможного вмешательства Николая I в греко-турецкий конфликт, поэтому поставили цель не допустить Россию к решению столь важного вопроса. Об этом прямо говорилось в письмах английского вице-адмирала Эдварда Кодрингтона: «Когда Каннинг убедился, что Россия твердо предпочитает смелые действия, то настоял на том, чтобы другие великие державы

взяли ее за руку и сопровождали, дабы не допустить беспрепятственно идти одной и действовать самостоятельно. «С Россией надо идти в ногу, — заявил Каннинг, — и это будет лучшим средством предотвратить ее выйти за предмет договора»⁸.

Герцог Веллингтон убеждал Николая I: чтобы «усмирить восставших греков», Высокая Порта может пойти на уничтожение большей части населения Пелопоннеса и заселить его мусульманами из Азии. Поэтому главная задача ведущих держав состоит в том, чтобы поскорее помирить греков с турками и восстановить в Османской империи должный мир и порядок. Выслушав Веллингтона, Николай I сказал ему: «Император Александр перед смертью принял решение: с оружием в руках заставить Порту уважать права России, признанные трактатами. И я скажу вам: если дело дойдет до чести моей короны, то я не сделаю первый шаг к отступлению»⁹.

Фактически Николай I согласился с предложением Веллингтона и настроился на посредничество в примирении греков с турками, чтобы добиться от них взаимных уступок. На том этапе такая позиция представлялась вполне логичной по причине последовательного и поэтапного решения греко-турецкого вопроса: вначале убеждать Порту словесно, но если не получится, то принудительно. Однако ранней весной 1826 г. обстановка в Эгейском море осложнилась в результате действий у Пелопоннеса Ибрагима-паши, который перебросил значительные силы к берегам Мореи и оккупировал прибрежную часть полуострова. Николай I понимал, что за сложившейся на Балканах и в Греческом архипелаге обстановкой равнодушно наблюдать уже нельзя — необходимо остановить карательные экспедиции вооруженных сил Турции и Египта против греков.

Результатом визита Веллингтона в Петербург стал подписанный 23 марта (4 апреля) 1826 г. протокол по греческим делам, согласно которому Россия и Англия имели право вмешаться в греко-турецкий конфликт и направить свои флоты в Архипелаг, *но только исключительно для наблюдения за действиями Греции и Турции*. Это крайне важно для уяснения дальнейших событий под Наварином. Лондон и Петербург предложили Высокой Порте посредничество в вопросе подписания мира с греками, согласно которому греки останутся подданными султана и будут платить ему ежегодный налог, а османские власти предоставят гарантии свободы вероисповедания. Подписание второй конвенции по греческим делам состоялось в Лондоне 24 июня (6 июля) 1827 г. В итоговом протоколе представители союзных держав — Х. А. Ливен (посол России в Лондоне), Огюст Полиньяк (Франция) и Джон Дадли (Англия) провозгласили прекращение греко-турецкого вооруженного конфликта и предоставление Греции автономии под верховным владычеством султана. Державы обязались «не принимать участия во враждебных действиях воюющих сторон», а только направить свои эскадры к берегам Мореи для наблюдения за враждующими сторонами¹⁰.

По сути, лондонский протокол был двусмысленным. В тексте отсутствовал пункт о действиях объединенных эскадр в отношении Турции и Египта. В статье 1 лишь говорилось, что «державы предложат Оттоманской Порте свое посредничество с целью примирения ее с греками». Союзным флотам следовало избегать неприятельских действий с противником Греции, обеспечивать ее безопасность и препятствовать туркам и египтянам доставлять войска и подкрепление к берегам Мореи. Державам следовало обращаться с греками как с дружественным народом, но о военном вмешательстве и о военной поддержке Греции речи не шло. Союзным флотам следовало лишь «наблюдать за соблюдением перемирия в случае, если оно состоится между греками и турками».

Англия предпринимала в Греции собственные политические шаги. В мае 1827 г. посол в Константинополе А. И. Рибопьер секретной депешей уведомил российский МИД: «Посланный мною в Грецию переводчик Тимони вернулся из поездки. Посылка этого чиновника имела целью сбор достоверных сведений о положении в этой стране, ее ресурсах и возможностях, характере наиболее видных людей, занимающих там ныне руководящее положение, и о настроениях народных масс. Представленные им сведения еще больше подтверждают мнение: все чувства и симпатии, которые некогда греки питали к России, полностью угасли. Против России высказываются даже открыто, тогда как английское влияние получило в этих краях почти исключительное преобладание, которое с каждым днем будет упрочиваться еще больше благодаря старанию двух английских генералов, распоряжающихся всеми ключевыми постами, большими суммами денег, сухопутными и морскими силами»¹¹.

В Зимнем дворце разделяли обеспокоенность Рибопьера по поводу прорыва англичан в Грецию: допускать только Англию к решению греческого вопроса нельзя, тем более что греки зывали о помощи не к единоверному императору, а к английскому королю, что представлялось тревожным симптомом. Русский посол в Париже К.-О. Поццо-ди-Борго после частного разговора с английским коллегой доложил Николаю I: решение англичан «присоединиться к России в делах Греции принято с целью помешать ей действовать в одиночку»¹². Откровенно высказывались и в самом Foreign Office: необходимо воспрепятствовать русскому императору получить «too greate a hold» («слишком много захвата») в Греции. Тем не менее Лондонский договор стал большим достижением российской дипломатии и сыграл значимую роль в формировании будущего греческого государства.

Как отреагировали в Константинополе на соглашения ведущих держав? Когда турецкому министру иностранных дел (рейс эфенди) предложили ознакомиться с решением союзной тройки, то он, прочитав ноту, не принял ее и оставил на софе. К такому излюбленному приему — оставлять или демонстративно бросать бумагу на софу в присутствии европейских дипломатов турецкие министры прибегали всякий раз, когда выражали решительный протест. Подписанный в Лондоне договор рейс эфенди назвал «векселем, по кото-

рому турецкое правительство не может получить наличные деньги, а потому он кладет этот договор под подушку нераспечатанным».

В следующий раз турецкому министру не понадобилось бросать бумагу на софу, поскольку драгоман французского посла перевел ее содержание. Заканчивался текст настоятельным советом держав: Порте надо прийти к примирению с Грецией, в противном случае союзники принудят ее к этому. После недолгого молчания рейс эфенди спросил: «Что это значит? Державы объявляют Турции войну?» Драгоман объяснил, что предъявление ноты еще не означает объявления войны, а скорее просьбу, согласно которой движение Османского флота к греческим берегам и высадку войск следует остановить и прийти к соглашению с греками. Турецкое руководство действительно не понимало, как могут сочетаться между собой два взаимоисключающих понятия — дружба со своими мятежными подданными и насильственные меры по отношению к ним, если таковые меры необходимы для подавления бунтов и восстановления законного порядка. Рейс эфенди попросил драгомана перевести союзным послам турецкую поговорку: «Не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга», после чего раздраженно добавил: «Окончательный, неизменный и вечный ответ султана состоит в том, что он никогда и ни от кого не примет какого бы то ни было предложения о греках»¹³.

Согласно Лондонскому протоколу, в Эгейское море предполагался выход трех союзных эскадр. Узнав об этом решении, Турция сделала заявление послам: если их государи вмешаются в ее действия против греческих бунтовщиков, то она «разделается со всеми представителями вражеских держав». На это Николай I отреагировал немедленно и направил главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу А. С. Грейгу приказ — выслать в распоряжение российской миссии в Константинополе два корабля, замаскировав их под невоенные. Но если потребуются, команде следовало открыть пушечные порты и поставить орудия, которые находились в трюме в виде балласта.

Итак, державы приняли решение направить морские силы в Эгейское море. Первоначально Николай I обозначил цель похода без четко сформулированной задачи: «Восстановление Греции есть желание бессмертной Екатерины. Сии три эскадры должны снять со страны той ярмо азиатского деспотизма и восстановить тишину и спокойствие»¹⁴. Но каким образом моряки должны «снимать ярмо деспотизма» и восстанавливать в Греции спокойствие, император не пояснил. А о позиции ведущих держав «в случае упорства Порты» сообщил А. И. Рибопьер: «Сотоварищи мои в депешах своих к гг. Адмиралам изъявляют надежду, что для усмирения турецкого флота и для отвращения всякого важного предприятия как против твердой земли Греции, так и против островов может быть достаточно присутствие французской и английской эскадр»¹⁵.

Российская эскадра поступила под начальство контр-адмирала Логина Петровича Гейдена, английский король Георг IV вверил свою эскадру вице-адмиралу Эдварду Кодрингтону, французский Карл X — контр-адмиралу Анри де Риньи. Цели эскадры Николай I обозначил конкретно:

1. В греко-турецкой войне «наблюдать и сохранять» строгий нейтралитет.
2. Избегать военных столкновений и не принимать участия в боевых действиях противников — так, чтобы «ни одна из воюющих сторон не могла приписать эскадре нашей ни малейшего влияния на успех или неудачу обоюдных их предприятий»¹⁶.

А перед выходом эскадры по назначению Николай I произнес: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски»¹⁷. Эти слова стали главным напутствием для моряков — как им следовало поступать с противником в случае начала боевых действий. Позже, под Наварином, они ориентировались именно на эту формулировку и приняли решение действовать по обстановке, т. е. «поступили по-русски».

11 сентября 1827 г. английская эскадра пришла на вид Наварина, где уже «находилась вся огромная египетская экспедиция». Кодрингтону ничего не оставалось, как ожидать подхода союзников и пассивно наблюдать за всем происходящим. В донаваринский период представляется важной его официальная и частная переписка, в том числе с генерал-адмиралом королевского флота герцогом Уильямом Кларенским. Эпистолярное наследие Кодрингтона помогает глубже понять не только предгрозовую атмосферу будущего сражения, но и его взгляды на наиболее острые события. Так, в письме жене от 13 сентября 1827 г. он искренне сожалел о том, что не имел возможности заблокировать все порты Греции, чтобы не допустить туда египетский флот и войска. Причем положение усугубляло наличие на египетских судах множества французских офицеров, советников и инструкторов, что заботило и французского командующего де Риньи, неоднократно призывавшего соотечественников покинуть службу у египетского паши. В заключение письма Кодрингтон с горечью поведал жене о собственных чувствах в особенно неприятные для него моменты, когда «во время передвижения в Архипелаге островные греки кричали ему: “Предательство! Предательство!”». Кодрингтон был убежден, что «это есть следствие интриг и дипломатии» и не скрывал от жены своего мнения: «Лучшим выходом для всех стало бы открытое объявление султаном войны союзным державам, но он этого не делает», а продолжает наращивать силы в акватории порта Наварин¹⁸.

Несмотря на скованность действий, английский адмирал находил в себе силы шутить. В письме жене от 18 сентября 1827 г. он обрисовал свое положение: «Мы здесь сейчас есть то, что лорд Нельсон называл “лежащими в гавани”, со всеми нашими подобранными парусами, любующимися друг другом, особенно в те дни, когда вынуждены распускать паруса. В течение нескольких часов такой приятной экзерциции ветер красиво и изящно полощет их»¹⁹.

22 сентября 1827 г. к Наварину подошли французские суда, а поскольку русская эскадра еще отсутствовала, Кодрингтон и де Риньи приняли решение вдвоем, от имени морских держав, договориться с Ибрагимом-пашой о встрече. В тот же день они обратились к нему с письмом, в котором разъяснили содержание Лондонского протокола и главную цель своего прихода в Архипе-

лаг — обеспечивать безопасность Греции. А потому, подчеркнули адмиралы, паша должен немедленно покинуть этот район и вернуться в Александрию. На том этапе оба командующих еще надеялись демонстрацией силы вынудить Ибрагима отвести свои силы от берегов Пелопоннеса и обратили его внимание на присутствие в Архипелаге сильных эскадр с приказом не допускать высадок египетских войск и положить конец уничтожению греков в Пелопоннесе и на островах. В заключение петиции адмиралы пригрозили: «Одного выстрела из вашей пушки против наших флагов будет достаточно для фатального исхода всего Оттоманского флота»²⁰.

Ибрагим-паша согласился на встречу и 25 сентября принял союзных командующих. Паша напомнил им, что он военный и, следовательно, обязан выполнять приказы. А приказ у него атаковать остров Идру как пристанище мятежников и бунтовщиков против законной власти его величества султана, и потому переговоров с ними он вести не намерен. О документах, подписанных в Лондоне, ему ничего не известно, а из Константинополя он никаких инструкций не получал, но до консультаций с султаном обещает не высаживать войска и не проводить карательных экспедиций²¹. Но вскоре паша перебросил к Наварину 4-тысячный контингент из Кандии и Александрии на усиление имевшимся там силам, затем к Наварину подошел турецкий флот под командованием вице-адмирала Тагира-паши. Египетским флотом командовал вице-адмирал Мохарем-бей, объединенными морскими и сухопутными силами — сам Ибрагим-паша.

По данным Кодрингтона, турецко-египетские морские силы под Наварином состояли «из трех линейных кораблей, четырех тяжелых фрегатов, 13 фрегатов средних размеров, 30 корветов, 28 бригов, шести брандеров, пяти шхун, 41 транспортного судна. Всего в течение месяца в Морее высадилось до 35 тысяч египетских войск, из них 4000 совсем недавно, и начальник порта этому никак не препятствовал»²². Французские историки называют в составе флота Ибрагима-паши 110 единиц вместе с транспортом, тремя кораблями и 20 большими фрегатами от 50 до 60 пушек, общее количество орудий 2200, личного состава — 19 тыс. человек²³. Российская сторона говорила о трех линейных кораблях противника, 18 фрегатах больших размеров, 30 корветах, 19 бригах, свыше тридцати транспортах с пятитысячным десантом и семи брандерах. Англо-русско-французский флот состоял из 28 вымпелов, из них 10 линейных кораблей, 9 фрегатов, свыше 1300 орудий и 11 тыс. человек.

Попытки союзных адмиралов договориться с Ибрагимом-пашой не увенчались успехом. Когда 8 (20) октября 1827 г. англичане направили со своего фрегата «Dartmouth» шлюпку под командой лейтенанта Дж. Фицроя к приближавшемуся брандеру, чтобы отвести брандер в безопасное место, то турки открыли по шлюпке ружейный огонь. В результате лейтенант Фицрой и несколько человек были убиты.

Флоты вступили в сражение, итогом которого стало «совершенное истребление всего турецкого и египетского флота». Союзные эскадры уничтожили

15 судов и семь брандеров противника, спустили флаги два линейных корабля с 84 и 90 пушками и три тяжелых фрегата, «остальные, будучи совершенно избиты, рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали».

События в Наваринской бухте вызвали в Константинополе бурю ненависти и негодования. Турецкое руководство наложило эмбарго на европейские торговые суда, стоявшие в Босфоре, и начало массовые преследования христианского населения. Российский посол А. И. Рибопьер информировал МИД: «Истребление турецко-египетского флота совершенно поразило мусульман. Султан в мести и злобе издал фирман воспретить свободный пропуск всем судам под флагами трех союзных держав. Судя по решимости султана, последует разрыв и война. В Константинополе сильное волнение умов, большая часть горит мщением. Строжайший присмотр за всеми иностранцами, меры прилагаются к вооружению и к общей обороне». Султан Махмуд II отдал адмирала Тагира-пашу под суд, но вскоре даровал помилование «для грядущего великого отмщения», а Рибопьеру категорически отказал в аудиенции. Срочной депешей Александр Иванович доложил в Петербург: «Дела наши с Портою приняли оборот решительный. Истощив бесполезно все средства убеждения, я и сотоварищи мои, французский и английский послы, выезжаем отсюда»²⁴.

Обстановка стремительно накалялась, и послы трех держав-победительниц ежедневно ожидали ареста. До посольских особняков дошли слухи о приказе султана «без объявления войны всех умертвить в возмездие за уничтожение Османского флота», и будто бы Махмуд II уже намеревался поднимать преданные янычарские полки, но вмешались великий визирь и сераскир Хозрев-паша. «Трудно себе представить, до какой степени фанатизировано турецкое население, — сообщал Рибопьер. — Все взялись за оружие, воинственные клики слышались повсюду». Драгоман Порты (переводчик) угрожающим тоном заявлял, что «за Наваринский разгром всех виновных послов держав посадят в Семибашенный замок», на что русский дипломат ответил ему: те времена давно прошли, а если Порта вздумает совершить такое, то он «намерен защищаться и не советует переступать порога его дома. А если турки посягнут на его свободу и жизнь, то Государь и Россия, которые за ним стоят, от Константинополя камня на камне оставят»²⁵.

Во время обеда Рибопьеру доставили записки от дружественных послов, дипломаты просили его срочно к ним приехать. Александр Иванович примчался сначала в английскую миссию к Стратфорду Каннингу «и застал его дрожащим от страха». Каннинг умолял Рибопьера о помощи, говорил, что боится оставаться в Константинополе, что теперь его убьют, и он не знает, что делать. После недолгих консультаций послы приняли решение упредить события и выехать из Турции, не дожидаясь возможного ареста, однако именно российскому дипломату Порты категорически отказала в паспорте на выезд. Рибопьеру ничего не оставалось, как вновь прибегнуть к угрозе — он заявил, что, если турки его не выпу-

стоят, то он прорвется через Дарданеллы на двух транспортах, которые государь император прислал в его распоряжение. Посол усилил угрозу: на самом деле это не транспорты, а замаскированные под них военные корабли, на которых в любой момент откроют пушечные порты и поставят орудия. Чиновники Порты выдали паспорта всем сотрудникам российской дипломатической миссии.

После Наварина никто из участников того сражения и представить себе не мог, каковы будут последствия, какова будет цена победы. В Англии известие об уничтожении турецко-египетского флота восприняли неоднозначно. Вице-адмирал Э. Кодрингтон вернулся в Лондон под рукоплескания простых британцев, но в верхних эшелонах власти уже после прочтения его первого подробного донесения о сражении начались ожесточенные споры: кем считать «сэра Эдварда — истинным героем морской баталии, достойной офицера Его Величества» или же нарушителем данных ему инструкций. Когда Георгу IV доложили о битве под Наварином, он раздраженно произнес: «Какое скверное событие! (Untoward event)»²⁶.

Выступая в январе 1828 г. в палате лордов, король подтвердил формулировку «untoward event» и подчеркнул, что по вине союзного флота случилось непоправимое: турецкая морская сила уничтожена. Георг IV запрашивал парламентариев: «Благородные Лорды! Я бы хотел достоверно знать полномочия союзников — согласно данным им инструкциям и статьям Лондонского протокола, врученных турецкому министерству»²⁷. После выступления короля обе палаты в ходе дискуссии высказывали негодование в отношении Кодрингтона и требовали спросить с него, на каком основании он уничтожил османский флот. Разве у него имелись такие инструкции? Если бы он посоветовался со своим руководством, а не с союзными командующими, то получил бы приказ отстранить от участия в совещаниях русского адмирала, который, скорее всего, и склонил Кодрингтона атаковать турецко-египетский флот.

Британскую военную и государственную элиту озаботил успех объединенных эскадр, когда плодами победы могли воспользоваться русские. Их флот пока находился во пределах Черного моря, но если он выйдет в Восточное Средиземноморье, то Россия из союзника превратится в опасного противника. Супруга российского посла в Лондоне Дарья Христофоровна Ливен (урожденная Бенкендорф) в письмах брату А. Х. Бенкендорфу колоритно излагала настроения в британской столице: «Австрия взбешена и взволнована. Английская публика кичится этим делом: потопление и сожжение судов во вкусе англичан. Оппозиция выражает неудовольствие и спрашивает, по какому праву это сделано. Для Англии безумие сражаться из-за чувств: что нам греки? Турки всегда были нашими верными союзниками... О Греции говорят мало, все говорят о России и только о России»²⁸. И все же под давлением общественного мнения король наградил Кодрингтона большим крестом Бани, хотя в придворных кругах циркулировали слухи по поводу высказывания короля: Кодрингтон достоин «не ленты, а веревки»²⁹.

После событий под Наварином британскую элиту волновал не узкий греческий сюжет, а геополитический вопрос — восточный. В Лондоне исходили из того, что, каким бы варварской и нецивилизованной ни представлялась Европе Османская империя, это не означало, что надо было уничтожить ее флот — так как «в системе Европы оно составляет необходимое зло»³⁰. В отличие от короля Георга IV, император Николай I не отрекся от героев Наварина, и уже 8 (20) ноября 1827 г., по горячим следам событий, поздравил Кодрингтона с блестящей победой³¹. В целом плата этого английского адмирала за военный успех оказалась далеко не самой высокой — по-крупному отвечать за разгром турецко-египетского флота пришлось России. Русские офицеры говорили: «Россия платит за всех» — в 1828 г. ей одной, без Англии и Франции, выпала нелегкая участь вступить в войну с Турцией на суше и на море.

¹ Цит. по: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 210–211.

² В апреле 1789 г. в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. по приказу султана Селима III Константинополь был переименован в Истанбул (Стамбул). Но почти до конца XIX в. и даже в начале XX в. официальных документах различных ведомств России (МИД, Морского и Военного министерств) турецкую столицу по-прежнему называли Константинополем.

³ *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 49–57.

⁴ Цит. по: *Богданович Е. В.* Наварин. М., 1877.

⁵ *Anderson R. Ch.* Naval Wars in Levant. Princeton: Princeton University Press, 1952. P. 483–509.

⁶ Цит. по: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. С. 137.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1862. Л. 1.

⁸ Memoire of the Life of Admiral Sir Ed. Codrington. London, 1873. Vol. I. P. 362–363.

⁹ Цит. по: *Богданович Е. В.* Наварин. С. 11.

¹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (далее — ВПР). М., 1970. Т. 7 (15). С. 23–26, 137–138.

¹¹ А. И. Рибошьер — управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде, 5 (17) мая 1827 года // ВПР. Т. 7 (15). С. 104.

¹² ВПР. Т. 7 (15). С. 669.

¹³ Цит. по: *Богданович Е. В.* Наварин. С. 23–24.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64. Л. 21 — 21 об.

¹⁵ АВП РИ ИДД МИД РФ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3229. Л. 8–9. От 20 августа 1827 г. Гг. — господам адмиралам.

¹⁶ Из рескрипта Николая I Л. П. Гейдену от 1 (13) июля 1827 года // М. П. Лазарев. Документы. Т. 1. М., 1952. С. 296–298.

¹⁷ Цит. по: *Богданович Е. В.* Наварин. С. 29.

¹⁸ Memoire of the Life of Admiral Sir E. Codrington. Vol. I. P. 462.

¹⁹ Ibid. P. 470.

²⁰ Ibid. Vol. II. P. 4–5.

²¹ Ibid. Vol. II. P. 5.

²² Ibid. Vol. I. P. 474; Vol. II. P. 71.

- ²³ Экинс Ч. Описание сражений английского флота с 1690 по 1827 год / Пер. с англ. СПб., 1840. С. 293–294.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4479. Л. 242, 348–349. Донесения А. И. Рибопьера от 29 октября, 1 ноября и 7 декабря 1827 года // АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 2702. Л. 5. Донесение от 22 ноября 1827 года.
- ²⁵ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 2.
- ²⁶ Woodhouse Cr.-Mont. *The Battle of Navarino*. London, 1965.
- ²⁷ Речь короля Георга IV в парламенте 29 января 1828 года // *The Parliamentary Debates. New Series* / Ed. by T. C. Hansard. Vol. 18. London, 1828. P. 1–4.
- ²⁸ Из переписки княгини Ливен // Русская старина. 1903. Апрель. С. 428–429.
- ²⁹ Woodhouse Cr.-Mont. *The Battle of Navarino*.
- ³⁰ Цит. по: Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 9.
- ³¹ Memoire of the Life of Admiral Sir E. Codrington. Vol. II. P. 147.

References

- ANDERSON R. Ch. *Naval Wars in Levant*. Princeton: Princeton University Press, 1952.
- BOGDANOVICH E. V. *Navarin*. [Navarin. In Russ.] Moscow, 1877.
- EKINS Ch. *Opisanie srazhenij anglijskogo flota s 1690 po 1827 god* / Per. s angl. St. Petersburg, 1840.
- Memoire of the Life of Admiral Sir Ed. Codrington*. London, 1873. Vol. I.
- TATISHNEV S.S. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya Pervogo*. [The foreign policy of Emperor Nicholas the First. In Russ.] St. Petersburg, 1887.
- VINOGRADOV V.N. *Britanskij lev na Bosfore*. [The British Lion on the Bosphorus. In Russ.] Moscow, 1991.
- Vneshnaja politika Rossii v XIX I nachale XX vv.* [Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th centuries. In Russ.] Moscow, 1970. Т. 7 (15).
- YUZEFOVICH T. *Dogovory` Rossii s Vostokom, politicheskie i torgovy`e*. [Treaties of Russia with the East, political and commercial. In Russ.] St. Petersburg, 1869.
- WOODHOUSE Cr.-Mont. *The Battle of Navarino*. London, 1965.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Г. А. Гребенищикова. Наваринский цугцванг // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 33–46

Аннотация: В 2022 г. исполнилось 195 лет морскому сражению в виду крепости Наварин у юго-западной оконечности полуострова Пелопоннес (Греция), которое произошло 8 (20) октября 1827 г. Эскадры трех союзных держав — России, Англии и Франции уничтожили турецко-египетский флот, лишив тем самым Османскую империю главных морских сил в Эгейском и Средиземном морях. Союзники не потеряли ни одного корабля. В сражении под Наварином российские моряки показали отличную боевую и артиллерийскую подготовку, действовали слаженно и быстро, проявляли храбрость и взаимовыручку. Одним из главных итогов того сражения стало дальнейшее развитие русского оперативно-тактического и военно-морского искусства эпохи парусного флота. С привлечением архивных документов АВП РИ и РГА ВМФ это событие, значимое для отечественной военно-морской истории, рассмотрено в военно-политическом и военно-дипломатическом ракурсах. Основная задача статьи состоит в том, чтобы показать алгоритм, приведший союзных адмиралов под Наварином к положению цугцванга, и последствия того цугцванга для их держав.

Ключевые слова: освобождение Греции, позиции ведущих морских держав, протоколы по греческим делам, непримиримость Турции, действия египетского пашы, цугцванг под Наварином.

FOR CITATION

G. A. Grebenshchikova. Zugzwang of Navarino // Petersburg historical journal, no. 1, 2023, pp. 33–46

Abstract: In 2022, the 195th anniversary of the naval battle by the Navarino fortress near the southwestern tip of the Peloponnese peninsula (Greece), which took place on October 8 (20), 1827, was celebrated. Squadrons of the three allied powers – Russia, England and France destroyed the Turkish-Egyptian fleet, thus depriving the Ottoman Empire of the main naval forces in the Aegean and Mediterranean seas. The allies did not lose a single ship. In the battle of Navarino, Russian sailors showed excellent combat and artillery training, acted in a coordinated and fast manner, showed courage and mutual assistance. One of the main results of that battle was the further development of Russian operational-tactical and naval art of the era of the sailing fleet. With the involvement of archival documents of the AVPRI and the RGAVMF archives, this event, significant for the national naval history, is considered from a military-political and military-diplomatic perspective. The main task of the article is to show the algorithm that led the allied admirals near Navarin to the position of zugzwang, and the consequences of that zugzwang for their powers.

Key words: Greece freedom, leader naval States positions, protocols for Greece questions, Turkey position, Egyptian Pasha' actions, Zugzwang off Navarino.

Автор: Гребенщикова, Галина А. — д. и. н., Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.

Author: Grebenshchikova, Galina A. — Dr. in History, St. Petersburg State Maritime Technical University.

E-mail: galina_gre@bk.ru